

Алёна Митрохина
Шу

Алёна Митрохина

Шу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68359651

SelfPub; 2022

Аннотация

Во всех детских воспоминаниях Шурика всегда присутствуют шесть женщин – мама и ее любимые верные подруги, в гостях у которых проведено столько уютных вечеров, и где он, Шура, всегда в центре внимания. Так случилось, что эти сильные прекрасные женщины бездетны, и Шурик, единственный ребенок в этой компании, – всеобщий любимец и баловень. Жизнь идет, все меняется, нерушимая многолетняя дружба заканчивается по разным, порой весьма глупым, причинам. Но для Шуры эти постаревшие уже женщины навсегда останутся любимыми волшебницами, снова и снова возвращая его туда, где он чувствует себя в совершенной безопасности и безусловной любви – собственное детство.

Алёна Митрохина

Шу

А он любил старух...

Все детство пробродил с матерью по ее подружкам, могущественным тогда женщинам – товароведом, стоматологам, заведующим садиков и библиотек, директорам школ и председателям гаражных кооперативов. Эти женщины – владелицы возможностей, невозможных для простого советского человека, хранительницы дефицита, вожделенных шапок, сапог, колбас, конфет и, самое главное – связей, представляли особенное общество, высший свет их, пусть не маленького, но все-таки совершенно провинциального города. И ему было очень приятно, что эти необыкновенные дамы так нуждались в его матери – простой медсестре, и принимали ее на равных, как свою.

Хотя нет, простым смертным в дома этих королев ход был закрыт, да назвать обычной медсестрой его маму нельзя, была она медсестрой высочайшего класса! Легко могла найти тонюсенькую веночку даже у грудного младенца, поэтому даже самая прячущаяся и пропадающая вена как самих этих сливок общества, так и всех их престарелых родственников, мужей, братьев и прочих других нужных и важных людей, под умелыми и бережными мамиными руками рас-

слаблялась и проявлялась.

Мама, входяя во многие непростые дома, посещая с рабочими (поставить капельницу или укол) и гостевыми визитами подруг или их протеже, всегда брала с собой его, Шурочку. Где он только не был с ней, каких только жилищ не видел, но уютные квартиры маминых подружек любил больше всех.

- Ну что, Шу-Шу, милый, пойдём в гости к тетечке Идочке? – мама всегда сюсюкала, но ему это нравилось, он был приучен к ласке, всем этим милым словечкам и своему прозвищу «Шу».

Прозвище прилепилось к нему раз и навсегда с легкой руки одной из подруг, Клавдии Степановны, за особую его любовь к одноименному пирожному, так кстати сочетавшемуся с его собственным именем, что до сих пор все так его и звали. Все, кроме жены, конечно.

- Да, мамуля, да! Хочу к Идочке!

Поход в гости означал много маленьких радостей: раньше заберут из садика, мама будет веселая и красивая, она всегда наряжалась к Идочке, а, самое главное, будут подарки, ему, самому желанному гостю, в богатом и огромном (там был даже кабинет, от пола до потолка уставленный книгами!) Идочкином доме, причём не просто подарки, а всякие невиданные вкусности и вещицы. Ида привозила их из-за границы, где часто бывала. Конечно, бывала она лишь в соцстранах, но и они для простого советского человека казались чем-то немыслимым, богатым, почти капиталистическим.

Идочка, Ида Георгиевна, была самой влиятельной из маминых приятельниц, центром их маленькой компании, именно она диктовала правила и решала, с кем стоит общаться, а с кем нет, кому стоит помогать, а кто обойдется, и никто не оспаривал эти решения, да и зачем? Мама Иду побаивалась и всегда ждала от нее одобрения, поэтому ко встрече с подругой готовилась – делала прическу, надевала что-нибудь новое, наряжала Шуру. Ведь Ида, директор единственного в городе хладокомбината, статная и элегантная, строгая, насмешливая, благоволила матери по большей части из-за него, Шуры.

У неё не было детей, и не могло быть – редкая форма бесплодия, ничего нельзя сделать. Правда, имелись племянницы, дочери старшей сестры, с которой она была в непримиримой ссоре, настолько давней, что обе уже и не помнили, из-за чего возник разлад. Исчисляющаяся годами вражда стала такой привычной, даже удобной, что никто не хотел ничего менять, лишь племянницы время от времени навевались к состоятельной тетушке – попить чаю да занять денег. Ида никогда не отказывала и по-своему их любила.

Но любовь к черноглазому карапузу Шурочке была куда сильнее! Этот мальчишка – ласковый, избалованный, улыбочивый, стал ее отдушиной, вся возможная материнская нежность устремлялась к нему, такому хорошенькому и милому, похожему на картинку из журнала о здоровом детском питании или счастливом советском детстве.

Муж Идочки, дядя Серёжа, тоже любил Шуру, играл с ним в солдатиков, в прятки и догонялки. Шурику не очень нравились его грубоватые манеры и громкий голос, он больше любил нежные женские руки, любил сидеть за одним столом с этими сладко пахнущими волшебницами, слушать их голоса, засыпая, в конце концов, на диванчике. Тогда мама укрывала его мягким теплым пледом, верхний свет выключали, оставляя только рассеянный торшерный полумрак, и комната погружалась в дремотные сумерки. И вот уже веселый смех казался далеким, Шурочку кружило-кружило-кружило, затягивало в чудесный беззаботный сон. Так, бывало, и спал до самого своего дома, лишь на секунду проснувшись в сильных дяди Сережиных руках, несущих его до такси, а уверенные отцовские руки, принимавшие драгоценный груз из приехавшего домой автомобиля, он уже не чувствовал, слишком крепко спал.

Идочка Георгиевна эмигрировала в Германию в 90-е, когда распался Союз и открылись границы, уехала на историческую родину, на воссоединение с семьей. Оказывается, родители ее давно жили в ФРГ, но она особо не распространялась, могла должность потерять, неудобным было в Советском Союзе такое родство, даже стыдным. А рухнул этот самый Союз, собралась вмиг, и мужа с собой забрала, и племянниц. Сестра осталась – так и не помирились.

Шурик помнил последний, прощальный, вечер, скомканный, на коробках: все, что успели продать – продали, что

не успели – раздали, и когда-то уютная, роскошная квартира была непривычно холодной, пустой. Он забежал ненадолго, попрощаться, взрослый, школу заканчивал, и, конечно, с мамой на посиделки больше не ходил. Обнялись, поцеловались, обещали писать-звонить. И писали. И звонили. До сих пор общаются.

Вообще как-то так получилось, что Шу оказался единственным ребёнком на всю женскую компанию. Эти властные женщины, которые имели всё и даже немножечко больше, не имели главного – детей.

Всего подруг было шесть – постоянных, закадычных, собирались всегда вшестером, если кто-то не мог – встреча отменялась. Кроме мамы и Иды, были Марья Агафоновна, Рачка Ивановна, Надежда Сергеевна и Клавдия Степановна, все – успешные в жизни и все, кроме матери, бездетные. А ведь будь у них дети, они бы могли дать им многое, очень многое – лучшие игрушки, школы, поездки... Но – увы!

Правда, у Марьи Агафоновны была дочь. Приемная. Машку Марья Агафоновна решила удочерить после очередного выкидыша. Подружки ее отговаривали, особенно Ида.

– Маша, – говорили они, – подумай сто раз. Зачем тебе чужой, да еще нежеланный (она собирала документы для ребенка-отказника, из дома малютки) ребенок, он же наверняка больной....

Она возражала:

– Девочки, у меня связи, я директор такой школы! У меня столько знакомств – от врачей до директора роддома, помогут, подберут здорового малыша.

– Да пойми ты, дуреха, ребенок – отказной, – повторяла Ида, – его уже не хотели. Даже если его вынашивала самая здоровая мать из самой благополучной семьи, она знала, что отдаст его, а он, уже в животе, знал, что не нужен, и родился он уже с этой ненужностью, а от этого – неполноценный, понимаешь? Зачем тебе все это? Ну не дает Бог детей, так может и не надо?

Но Марья Агафоновна – директор престижной школы, опытный педагог, любимый учитель многих детей, после таких разговоров только сильнее желала взять ребенка, сделать его счастливым и искренне считала, что так и будет.

К выбору младенца, девочки, подошла серьезно и после многочисленных консультаций с педиатрами, органами опеки, воспитателями и прочими специалистами удочерила Машку – черноглазую и щекастую, очень похожую на Шурика.

Из живой и веселой непоседы потом выросла плутоватая и хамоватая Маня – гулящая и бессмысленная, отбившаяся в итоге со всеми семейными накоплениями в неизвестном направлении. Одним словом, стыд, позор и сожаления.

Надежда Сергеевна, заведующая детским садиком, тоже не без трагедии – единственный сын Игорек, которого родила очень рано, талантливый и подающий надежды в рисова-

нии, пении и другом творчестве, повесился. Было ему лет 15, сложный возраст. Надежда Сергеевна не винила ни себя, ни его, и вообще – никогда не говорила о сыне. Ходила на могилу, поминала раз в год, да и всё. Всегда была гостеприимная, Шуру любила, а на тихом часу (естественно, он ходил в ее детский сад) иногда звала в свой кабинет поиграть и поболтать. Ох, как он это любил! Надевал, торопясь, сандалики и бегом на первый этаж – к тете Надечке, которая брала какую-нибудь книжку и учила Шуру читать, или читала ему сама, и была при этом немного строгая, но он-то знал, что она не сердится на него, даже когда совсем не хотел складывать по слогам или слушать книжные истории.

Была ещё Раечка Ивановна – самая молодая, красивая и модная, товаровед центрального универмага, это она одевала и обувала подруг, формировала стиль, диктовала моду. А толк в этом она знала, без конца моталась в Москву и привозила оттуда модные тенденции – вещь для провинции непонятную и оттого не принимающуюся во внимание. Раечку все любили, была она незамужняя, бесшабашная и беспечная, жила в своё удовольствие и ни о чем не сожалела. Наверное, Шурик был в неё влюблён, даже наверняка. И когда она, смеясь, говорила «Эх, миленький мой Шу-Шу, что ж ты маленький-то такой? Был бы большой, женились бы!», а потом ласково обнимала его и чмокала звонко и мокро, Шурик краснел и смущался, и выпрямлял спину – хотел казаться больше и взрослей, чтоб она видела – ещё немножко и он

вырастет, станет большим и самостоятельным, и будут они вместе – навсегда.

Потом Раечка уехала, куда-то далеко, на север – зарабатывать, а он до сих пор помнил ее смех и блондинистые кудряшки, и запах болгарских «Сигнатур», и шуршание ее юбки, и быстрое касание тонких пальцев: «Привет, маленький! А ну-ка, беги на кухню, посмотри, что я там тебе за вкуснятину приготовила...». И он, веселый и счастливый от этого внимания, от маминых подружек, от их разговоров, мчался на Раечкину кухню, или искал припрятанный Идой подарочек (была у них такая игра), или делил с Машкой конфеты на двоих, или... или... или...

Через много лет от всезнающей Иды Шура узнал, что, в конце концов, Раечка обосновалась в Москве, горничной в богатом доме, Ида даже прислала фотографию подруги. Та стояла на широком крыльце с коваными перилами и улыбалась узкой извиняющейся улыбкой. Блонд сменился медно-рыжими кудельками, на которых белел специальный головной убор, а форменное черное платье украшал большой воротник с оборками. Вот тебе и жизненная карьера – от хозяйки жизни к хозяевам этой самой жизни...

Другая мамина подруга – Клавдия Степановна, блокадница, коренная ленинградка, приехавшая в их далекий сибирский город по большой любви, у которой война забрала все хрупкое женское здоровье, отвечала в их компании за культуру. Она не была большой начальницей, да и вообще ни-

какой начальницей не была, трудилась в краевом управлении культуры, организовывала гастроли тогдашних знаменитостей – от Кобзона и Ротару до именитых столичных театров. Но работа давала ей едва ли не самые большие предпочтения – билеты на выступления звезд, чей приезд в их провинциальный город всегда являлся событием, и всегда – долгожданным. На таких концертах собиралась элита: от высокопоставленных чиновников до лучших врачей, на прием к которым попасть было сложнее, чем на прием к высокому руководству. Конечно, сразу обеспечить всех подруг заветными контрамарками Клавдия не могла, поэтому ходили на выступления по очереди. Маме, совершенно не читившей ни спектакли, ни концерты, всегда доставались билеты на детские представления, куда шли они с маленьким Шурочкой, оба нарядные и веселые. Сидели на лучших местах, тут уж Клавдия старалась.

Сидели и оба вертелись. Шу из-за того, что смотреть на происходящее было скучно и неинтересно – актеры и актрисы были слишком размазаны, кричали неестественно громкими, а иногда и пугающими, голосами, бегали и прыгали по сцене и от этой беготни и скачков от пола и от одежды вздымались сероватые облачка пыли, и Шурочке, привыкшему к почти стерильной домашней чистоте, хотелось немедленно чихнуть и высморкаться. И он чихал и шмыгал носом, нервирова сидящих рядом зрителей.

Мама вертелась тоже, но не потому, что ей не нравилось

действие, на него она вообще не обращала внимания, и, скорее всего, даже не сказала бы, спроси у нее потом, как назывался и о чем был спектакль. Нет, зоркие мамины глаза выглядывали и высматривали знакомые лица ее влиятельных пациентов с тем, чтобы во время антракта, взяв за ручку прехорошенького Шурочку, как бы невзначай столкнуться с одним из них, и сладчайшим голоском удивиться неожиданной встрече, с мягкой тревожностью осведомиться о здоровье, наклониться к маленькому наследнику, которого привел визави и угостить его конфеткой, взявшейся как будто из воздуха, сюсюкая и разливаясь соловьем. Итогом таких встреч всегда становилась договоренность о рабочих визитах мамы к благодарному больному с курсом уколов от давления, капельниц от нервов, да и просто витаминов для укрепления изношенного организма. Во всё время маминого разговора, Шура нещадно тянул ее за руку, очень хотелось успеть в буфет, где в бумажном стаканчике давали лимонад «Буратино», а на белой картонной тарелочке с гофрированным краем – невероятно вкусные бутерброды с кружками копченой колбасы в белых крапинках жира и прозрачной кожуркой по краям. Впрочем, маминого собеседника тоже тянули в том же направлении, так что общение заканчивалось быстро к удовольствию обеих сторон.

Когда Шуре исполнилось десять лет, он наотрез отказался ходить в театр, и даже всеильная Ида Георгиевна не смогла на него повлиять, не говоря уж об остальных подружках.

– Что ж, – вздыхала все понимающая Клавдия Степановна, – мальчик вырастет, скоро и с нами ему станет неинтересно, – и гладила Шурочку по мягким густым волосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.